

ГЛАВА 1

— А вот и Глаша пришла! Познакомься, Глашечка, с нашим новым клиентом, — протянула Раиса Тимуровна Подвойская сахаристым басом.

Она всегда говорила сладко, когда собиралась сватать кого-нибудь «из девочек» очередному неженатому бедолаге, который являлся в профилактический центр нетрадиционной медицины подлечиться.

Центр был небольшим, но в своем районе популярным и носил оптимистичное название «Я здоров!». Все работники ужасно намучились с этим названием, особенно поначалу. Когда кто-нибудь из докторов отвечал на телефонный звонок, говоря привычное: «Алло. «Я здоров!», позвонивший игриво отвечал: «Я так рад за вас!» Или: «А вот про себя я этого сказать не могу». Или что-нибудь в таком роде.

— Глашечка, это Алексей Денисович, — продолжала Подвойская, поглаживая по плечу экземпляр мужского пола, который сидел

на стуле, напряженно выпрямившись и пристально глядя на свои ботинки.

Глаше, как самой молоденькой — ей исполнилось «всего-то» тридцать пять, — чаще других приходилось испытывать на себе Раисины бурю и натиск.

— Оч-приятно, — пробормотала она, пытаясь проскользнуть мимо одеревеневшего Алексея Денисовича, который двумя ногами уже вошел в пенсионный возраст.

Подвойская необъятной грудью загорила Глаше дорогу.

— Алексей Денисович преподает в Академии МВД, — сообщила она таким торжественным, «подарочным» тоном, словно любой индивид, имевший отношение к вышеназванному заведению, был пределом Глашиных мечтаний.

— Алексей Денисович, оч-приятно, — вторично пробормотала Глаша.

Быстрая улыбка спорхнула с ее губ и отдала концы, едва добравшись до адресата. Раиса Тимуровна раздула ноздри. Тон ее, однако, совсем не изменился.

— У нашей Глашеньки, — поспешно сообщила она, — особые отношения с милицией. Милиция недавно вынесла ей благодарность. Она, знаете ли, отловила преступника!

— Не отловила, — привычно поморщилась Глаша, — а вычислила.

— Да? — заинтересовался Алексей Денисович, неожиданно выйдя из комы. — Как это так — вычислила?

— Глашенька, расскажи! — потребовала Раиса Тимуровна и придвинула для себя стул.

Села на него удобно, словно рассказ должен был занять полдня. Она была дамой крупногабаритной, громкоголосой и очень душистой. От духов Раисы Тимуровны жирные июльские комары дохли быстрее, чем от разрекламированного «Фумитокса».

— Я простудилась и лежала дома с температурой, — привычно начала Глаша рассказ, который уже был обкатан не хуже, чем экскурсия у опытного гида. — Читать не могла — глаза очень болели. И телевизор смотреть не могла. Поэтому все время смотрела в окно, чтобы не скучать. Наблюдала за прохожими. — Глаша тоже села и приняла вольную позу.

Алексей Денисович завозился на своем месте и глянул на Глашины ноги с узкими коленками и тонкими лодыжками. Она вообще вся была узкой и тонкой. Бабушка ворчала: «Не девка, а стрекоза: одна голова с глазищами!» Глазищи у Глаши были светло-карие, почти что желтые. Волосы ее знако-

мая парикмахерша красила «темным каштаном» и стригла неровными прядями. Подруга Лида называла результат французским шиком, а брат Коля — укладкой бездомной собаки. Брат, конечно, ничего не понимал. Прическа Глаше нравилась.

— Напротив моего окна расположен большой магазин «Сантехника», — продолжала она, зная точно, что рассказывать надо доходчиво, иначе Раиса Тимуровна начнет вносить дополнения и дело затянется. — И вот я заметила, что в то время, как к магазину перед самым закрытием подъезжает инкассаторская машина, там постоянно ошибается один и тот же человек.

— Ну да? — подал реплику Алексей Денисович.

Подвойская с одобрением посмотрела на него.

— Да-да, — кивнула Глаша. — И он все время маскировался. То входил в магазин вместе с инкассаторами, словно припозднившийся покупатель. То разгуливал неподалеку с поводком в руках, хотя никакой собаки с ним не было. То изображал пьяного, который присел на бордюрный камень передохнуть. Один раз он даже оделся разносчиком пиццы и бегал с коробкой по окрестностям.

— Она позвонила в милицию и все рассказала! — встряла-таки Раиса Тимуровна. — За этим типом начали следить и вышли на целую бандитскую группу, которая затевала нападение на инкассаторов. Преступникам позволили довести операцию почти до самого конца и взяли с поличным! — с восторгом закончила она. — А Глашеньке вынесли благодарность.

Алексей Денисович вопросительно посмотрел на Глашу.

— Вынесли, — подтвердила та и поспешно поднялась. — Ну, мне нужно работать.

— Конечно, Глашечка! — пропела Подвойская. — Только выдай Алексею Денисовичу нашу визитку и сопутствующие материалы, а то мне надо отлучиться.

Она уже намылилась ускользнуть, оставив гипотетическую парочку наедине, когда в приемную из своего кабинет вышел доктор Лева Бабушкин. Лева занимался в центре биорезонансной диагностики и обслуживал новейший аппарат — подключал клиента к компьютеру, тестировал его организм, а потом с увлечением рассказывал, что получилось. Половина пациентов аппарату не верила, но абсолютно все считали сам процесс страшно увлекательным. Как бы то ни было, но именно по результатам тестирования Ле-

ва подбирал всякому страждущему комплекс натуральных препаратов и добивался потрясающих результатов.

— Привет, Глафира! — поздоровался Лева и, подойдя поближе, понизил голос: — Признавайся, чего натворила? Тебя директор вызывает. С самого утра рвет и мечет. Злой, как шайтан. Обещает свернуть твою нежную шейку.

— Да? — удивилась Глаша и обернулась к насупившейся Раисе Тимуровне. — Вот видите, меня, оказывается, на ковер. Так что...

Она метнулась к кабинету директора и толкнула ее плечом. На двери висела табличка: «Кайгородцев Петр Сергеевич».

Петр Сергеевич сидел за своим гигантским «противотанковым» столом и исподлобья смотрел на ввалившуюся к нему Глашу. Он был высокий, рыжеватый, с умными глазами и мужественным, разделенным впадинкой подбородком. И руки у него были красивые, белые, докторские, хотя Кайгородцев не имел никакого отношения к медицине, а занимался лишь административными вопросами.

— Петь, что случилось? — испугалась Глаша, глядя на насупленного директора. — Неприятности?

Кайгородцев ненавидел неприятности, а

заодно и тех, кто их ему доставлял. «Честь мундира» защищал самоотверженно, так как считал ее важнейшей составляющей коммерческого успеха.

— Поздравляю тебя, Медвянская! — желчно сказал он, хлопнув по столу обеими ладонями. — Дукельский собирается подать на тебя в суд.

— Дукельский? — ошалело переспросила Глаша. — На меня?!

— На тебя, на тебя, родная. Ты вообще в курсе, что ты с ним сделала?

— С кем? — глупо переспросила Глаша.

— С Дукельским! — заорал Петя и вскочил со своего места.

— А кто это?

— Не прикидывайся доской! Ты прекрасно знаешь, про кого я говорю!

— Я не прикидываюсь! И я не знаю, про кого ты говоришь! — тоже повысила голос Глаша. Ее «французский шик» стал дыбом, словно иглы дикобраза.

Кайгородцев тут же сбавил обороты.

— Это тот тип, — ехидно пояснил он, — которому ты сделала на пляже массаж, выдав себя, вероятно, за большого специалиста по лечению позвоночника. Куда-то ты там ему не туда нажала, спина у него теперь ни к чер-

ту, он лежит пластом и одновременно подает в суд на наш центр.

— Надеюсь, ты шутишь? — помертвев, спросила Глаша.

— А что, похоже, что я шучу?

— Я не выдавала себя за врача! — воскликнула Глаша. — Просто наши полотенца оказались рядом, мы стали болтать, а он все время потирал поясницу. И я сказала ему: «Давайте помассирую!», и он согласился...

Глаша покраснела. Тогда на пляже она положила на Дукельского глаз и мечтала, что на следующий день он позвонит ей и куда-нибудь пригласит. А он вон что!

— Ага, ага! — мелко закивал Кайгородцев. — «Давай помассирую!» — передразнил он ее. — Еще ты сказала, что работаешь в центре нетрадиционной медицины, только не уточнила кем. И Дукельский подумал, естественно, что ты профессионал. Однако после твоего массажа бедолаге стало так плохо, что он вынужден был сесть на больничной. Теперь он звонит сюда и требует сатисфакции.

— Гнусные инсинуации! — рассвирепела Глаша. — Сначала он согласился на массаж и уж только потом, когда попросил телефончик, я сказала ему, где работаю. И сказала — кем.

— У пострадавшего другая версия!

— Да он просто свинья, твой пострадавший!

— Это ничего не меняет! Ты сделала массаж свинье, и теперь она хочет подать на нас в суд!

Глаша нащупала рукой стул и без сил опустилась на него.

— Петь, — жалобно спросила она. — А... А что, ты уже рассказал начальству?

Она ничуть бы не удивилась, если бы он рассказал. Начальством в центре называли хозяина, который носил фамилию Нежный. При этом фамилия совсем не соответствовала его сильному характеру. Нежный и Кайгородцев когда-то учились в одном классе и поддерживали отношения в студенческие годы. Потом дела у Нежного пошли в гору, ему потребовалась своя команда, и он позвал к себе мыкавшегося без настоящего дела Кайгородцева. С тех пор он так и таскал его за собой, доверял безоглядно и платил щедро. Проекты следовали один за другим, Кайгородцев отлично справлялся со всяким делом, и теперь, когда Нежный решил вложить деньги в сеть центров нетрадиционной медицины, возглавил один из них.

— Я ничего никому не рассказывал! —

огрызнулся Петя. — Я... Я вообще, может, никому ничего не стану рассказывать!

Он странно посмотрел на нее — искоса, угрюмо и одновременно слегка испуганно. Словно хотел сказать что-то и не решался. Если бы Глаша никогда не видела его потрясающую жену, она, ей-богу, подумала бы, что Кайгородцев в нее влюбился.

— Что ты имеешь в виду? — пролепетала она.

— Ну... — Петя неожиданно сел и потербил нижнюю губу. — В конце концов, ты мой референт, я должен за тебя заступиться. Пошлю к Дукельскому своих ребят, они объяснят этому козлу, что иск подавать не нужно...

Он говорил и смотрел на нее выжидающе. Примерно так недавно пялился на нее сантехник, который пришел починить протекающий кран и не желал уходить без денежного вознаграждения.

— Спасибо, Петя, — осторожно произнесла Глаша. — Если я что-то могу для тебя сделать...

— Можешь, — мгновенно откликнулся Кайгородцев. — Знаешь, я слышал эту твою историю про нападение на инкассаторов и как ты все это предотвратила...

Глаша едва не застонала.

— Раисе Тимуровне надо привязывать к языку гирю! — прошипела она. — Выставляет меня непонятно кем...

— Да ты послушай, дурочка! — перебил ее Кайгородцев. — Я тебя о помощи хочу просить. Беда у меня, Глаша!

Он закрыл рукой глаза и некоторое время сидел неподвижно, пытался справиться с собой. Глаша тоже не шевелилась, сжавшись на своем стульчике. Наконец Петя убрал руку и взглянул на свою визави в упор:

— У меня жена исчезла.

Глаша тут же хотела переспросить: «Исчезла? Как это — исчезла?», но, посмотрев на Петю, проглотила свой вопрос. Жена исчезла! Красавица Сусанна, которую Кайгородцев называл Сузи, и было непонятно, то ли это насмешливое прозвище, то ли наоборот — восторженное. И только когда жена как-то раз заехала за ним после работы и вошла в приемную — прелестная и яркая, словно девушка с обложки модного журнала, — все поняли, что восторженное.

Петя смешно гордился своей женой. Примерно так мальчишка может гордиться потрясным велосипедом, а юнец — шикарной папиной машиной. Сусанна была его завоеванием, и вот теперь он говорит, что она ис-